

Текст:

теоретические основания
и принципы анализа

Коллектив авторов

**Текст. Теоретические
основания и принципы анализа**

«Златоуст»

2011

авторов К.

Текст. Теоретические основания и принципы анализа /
К. авторов — «Златоуст», 2011

В издании представлены категории текстуальности с примерами структурной и языковой реализации, что позволяет рассмотреть текст как систему, организуемую взаимодействием текстообразующих факторов. Для анализа в рамках каждой из рассмотренных категорий приведены тексты основных функциональных стилей современного русского литературного языка, что, с одной стороны, вскрывает различия между функциональными типами текстов, с другой – позволяет учащимся овладеть знаниями об организации текстов и развить умения создавать собственные речевые произведения, соответствующие целям и условиям их создания, что обеспечивает успех в общении. Пособие предназначено для студентов и аспирантов-филологов, преподавателей-русистов и специалистов широкого гуманитарного профиля, включенных в работу с текстом и оценку содержания текста.

УДК 80

Содержание

Введение	6
1	6
2	9
Часть I	12
Глава 1	12
1.1. Общее представление категории	12
1.2. Интенция в художественном тексте	19
1.3. Интенция в публицистическом тексте	22
1.4. Основные принципы выявления интенции автора текста	23
Глава 2	26
2.1. Категория целостности в аспекте лингвистики	26
2.2. Составляющие смысла текста	29
2.3. Средства формирования целостности текста	30
2.4. Заголовок в организации смысловой целостности текста	31
Газетная информация	31
Журнальный очерк	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Текст. Теоретические основания и принципы

© Коллектив авторов (текст), 2011

© ООО Центр «Златоуст», 2011

* * *

Данная книга сложилась в рамках исследовательского семинара «Анализ и интерпретация текста», которым уже 20 лет руководит д-р филол. наук профессор Санкт-Петербургского государственного университета Кира Анатольевна Рогова. Результаты работы по развитию теории и методики комплексного анализа текста воплотились в предшествующих публикациях, среди них – три коллективные монографии (*Художественный текст: структура, язык, стиль* / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 1993; *Анализ художественного текста. (Русская литература XX века: 20-ые годы)* / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 1997; *Художественная речь русского зарубежья: 20-е – 30-е годы XX века* / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 2002). Новый коллективный труд участников семинара, отражающий современные подходы к анализу текста и идеи проф. К. А. Роговой, издается в юбилейный для этого ученого и созданной им школы год.

Авторы выражают благодарность своим рецензентам: чл. – корр. РАО профессору С. Г. Ильенко, профессору К. А. Филиппову, доценту Л. В. Политовой, проявившим большой интерес к работе, а также коллегам В. Б. Касевичу, Л. В. Миллер, Е. Е. Юркову, принимавшим участие в обсуждении рукописи, за ценные замечания и советы, способствовавшие ее совершенствованию.

Введение

1

Интерес к тексту как высшей коммуникативной единице, представляющей собой осмысленную «последовательность вербальных (словесных) знаков» (Николаева 1990: 507), потребность в его изучении, поиск способов анализа определяются как обращением лингвистической науки к исследованию языкового функционирования, так и ориентацией современного образования на речевое развитие обучаемых. Текст – носитель смысла, находящего выражение в его структуре и языковых средствах, – становится посредником между филологической наукой и практикой обучения языку – и родному, и иностранному.

Известно предостережение Ф. де Соссюра от вовлечения речи и текста в круг лингвистического изучения, поскольку обращение к ним поставило бы перед исследователем множество задач, связанных одновременно с единицами всех языковых уровней. Однако осознание того, что человек говорящий обладает «знанием каждой словоформы укорененно в ее сфере употребления, в составе множества хранимых памятью выражений» (Гаспаров 1996: 86), заставило лингвистов обратиться к функционированию языковых единиц, наблюдению за теми контекстами, в которых они употребляются. Привычный подход, когда те или иные языковые единицы (звук, слово, его формы, словосочетание и предложение) выделяются для исследования их значений, классификационных признаков, стал меняться. Возникла новая установка – рассмотрение языковых единиц в отношении к формированию смысла, к некоей понятийной категории, средствами выражения которой они являются. Первые функциональные грамматики, оставаясь в рамках языковой системы, рассматривали употребление языковых средств разных уровней в рамках семантических категорий / позиций, отмечаемых в предложении как единице ее высшего уровня. При этом менялся и подход к пониманию и описанию предложения – основной единицы синтаксиса. Академическая грамматика 1980 года представила предложение уже не в традиционном «разобранном» виде (предикативность и ее составляющие – время и модальность, выделение главных и второстепенных членов и их выражение), а в его целостном/модельном выражении. Для каждой выделенной модели было отмечено ее типовое значение, основанием которого выступает вид ситуации внеязыковой действительности, реальной или ментальной. Например, семантика структурной схемы $N_1 - V_f$ (сущ. в им. пад. и личная форма глагола) – это «отношение между субъектом и его предикативным признаком – действием или процессуальным состоянием» (Русская грамматика 1980: 252). Так был реализован основной принцип знаковых систем: каждое означающее имеет свое означаемое. При этом исследователи отмечали особую природу предложения и значения этого термина: «Под ним может пониматься, с одной стороны, единица языка, с другой стороны – единица речи. Чтобы избежать этой неоднозначности, единицу языка принято называть предложением, а соответствующую ей единицу речи – высказыванием». План содержания предложения называют «значением, а план содержания высказывания – смыслом» (Кобозева 2000: 199–200). Таким образом, рассмотрение предложения как определенного типа построения отличается от его рассмотрения как «конкретного экземпляра», который содержит информацию, переданную не только непосредственно языковыми средствами, но и сопровождающими их знаниями об объективной действительности, включаемыми в сообщение. Так, наряду с типовым представлением приведенной выше структурной схемы: *Лес шумит*, можно представить и конкретное использование в контексте, где высказывание подвергается истолкованию (с добавлением определенных коннотаций): *Осень. Вечер. Темно, холодно. И лес шумит*. Означаемым

для предложения оказывается жизненная ситуация: «...вместо утверждения Это предложение имеет такой-то смысл – можно прямо сказать: Это предложение изображает вот такую ситуацию» (Витгенштейн 1994: 21).

На этом фоне текст стал восприниматься и оцениваться как область функционирования предложения и как некое самостоятельное образование, более сложное, чем предложение, но допускающее семиотическое осмысление. Выделенные в нем изначально категории целостности и связности (в другой терминологии – когерентности и когезии) отмечали присущую тексту членимость и интегрированность его частей в единое смысловое целое. По-новому, с одной стороны, как типологически отмеченные, а с другой – подвергающиеся трансформациям в разных типах текста, стали осмысливаться его части, традиционно выделяемые в нем: сложное синтаксическое целое, абзац, функционально смысловые типы речи, первичные речевые жанры и др. Текст как целое обнаружил наличие стереотипных построений (хотя его нормой признается все-таки «нерегулярность текстовой структуры» (Скребнев 1975)). «Если денотатом языкового знака является некоторое явление (объект, действие или состояние), то денотатом текста, оказывается некоторая обозначаемая им ситуация, то есть фрагмент действительности – актуальной или мыслимой, реальной или же представленной в нашем воображении. Актуальная ситуация всегда конкретна (что выражается в ее соотносительности с пространственно-временными координатами), между тем как мыслимая ситуация может быть как конкретной, так и абстрактной (в последнем случае она мыслится вне пространства и времени)» (Успенский 2007: 98–99).

Таким образом, текст обретает возможность быть истолкованным в качестве сообщения о ситуации, представленной в языковой форме. Объем описания этой ситуации и, соответственно, текста может быть самым различным, как и формы его языкового выражения, которые зависят от выбранного для сообщения фрагмента действительности и отношения к нему говорящего.

Для анализа фрагмента действительности, который может стать содержанием сообщения, разработана форма его представления в виде фрейма – структуры данных, отражающей некоторую типовую ситуацию (Минский 1978: 250) или «структуры данных об определенной сфере человеческого опыта» (Кобозева 2000: 170).

В составе фрейма отмечаются значимые компоненты ситуации (слоты), которые находят языковое выражение, отражая при этом самые различные установки говорящего. Так, например, представим себе ситуацию посещения мемориального литературного музея. Мы сообщим/узнаем о том, кем и когда он создан, найдем сведения о жизни писателя, о культурной ситуации его времени и конкретном окружении, на фоне чего представляется его творчество. Заключительная часть, как правило, связана с завершением жизни и творчества писателя. Эти компоненты в разных текстах на данную тему могут быть по-разному содержательно наполнены, по-иному расставлены и своеобразно оформлены речевыми средствами: от традиционного, исторически выверенного (например, музей Н. А. Некрасова в Петербурге) до инсталляционного, динамичного, трагического (музей В. В. Маяковского в Москве).

Так складывается структурное содержание текста – разделение представленной в нем общей ситуации на составляющие ее тематические компоненты, типология которых изначально определяется самой объективной действительностью (денотатно-референтный подход), и связь между этими компонентами (композиция), корректируемая авторской позицией – его взаимоотношениями с действительностью. Структурно-содержательная и прагматическая организация текста определяет отбор и организацию языковых средств, которые подвергаются здесь речевым преобразованиям, выполняя конкретное смысловое назначение и вписываясь в свое окружение. Структура текста предопределяет и его речевой анализ.

Все рассуждения до сих пор касались главным образом структуры текста, ее составляющих, формирующих текст и служащих своего рода инструментарием при его анализе. Текст же

в целом характеризуется набором основных категорий текстуальности, в состав которых входит комплекс условий и отношений, свойственных речевой деятельности и процессу порождения ее продукта – текста, что воспроизводится при его восприятии. В наиболее полном виде – признают большинство исследователей – они изложены Р.-А. де Бограндом и В. Дресслером (см.: Филиппов 2003: 119; Тичер, Мейер, Водак и др. 2009) и отражают такие сущностные характеристики, как когезия – связность; когерентность – целостность, смысловое единство текста; интенциональность – намерение, целеполагание говорящего; воспринимаемость – включение учета адресата; информативность – содержание текста, передающее знания о действительности в авторской интерпретации; ситуативность – условия, в которых протекает речевое общение, и интертекстуальность – включенность текста в глобальное текстовое пространство.

Отметим близость предложения и текста как образований, характеризующихся целостностью содержания, отображающего реальность, воспроизводимых по некоторой модели, для которых значим композиционный принцип построения и которым присуща категория смысла как расширения значения за счет включения знаний субъектов речи. При функционально-семантическом представлении предложение может рассматриваться в разных аспектах. При этом аспект понимается как «угол зрения, под которым исследователь в научных или практических целях рассматривает семантико-структурное и функциональное устройство предложения»: «Используя многоаспектный подход, то есть последовательно поворачивая к себе предложение той или иной его гранью, ученый получает возможность сосредоточить свое внимание на выявлении характеристик именно данной, отдельно взятой стороны объекта в отвлечении от всех других его сторон» (Копров 2010: 38).

Изучение лингвистической литературы, посвященной тексту, анализ текстов разной функциональной (дискурсивной) принадлежности, использование текстов в практике преподавания русского языка как родного и иностранного привели авторов данного пособия к выводу о том, что в отношении к указанным категориям текстуальности, опирающийся на структурные показатели и языковые средства, анализ текста носит систематизирующий (системный) характер, применительно к восприятию приближает к постижению его смысла и позволяет развивать при обучении способности к порождению собственных текстов-высказываний. При этом авторы отдают себе отчет в том, что рассмотрение качеств текста и их языкового представления по отношению к категориям текстуальности неизбежно сопряжено с повторениями, так как все категории являются принадлежностью одного объекта – текста. В связи с этим принципиально важным оказывается подход с позиций доминанты, позволяющий сосредоточиться на сущностных качествах каждой категории текстуальности.

2

Попытка преодолеть синдром «выученной беспомощности». **П. Селигман**

Приведенное выше определение текста как осмысленной «последовательности вербальных (словесных) знаков», разумеется, является крайне обобщенным и требует толкования. Представим некоторые положения, принятые авторами пособия в качестве исходных.

Известно, что практически первую дефиницию дал И. Р. Гальперин: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (СФЕ), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 1981: 18). Как видно, определение уже содержит то, что положено в основу понимания текста, выделения его основных категорий: он представляется как произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, которая отражает целенаправленность этого процесса, состоящее из ряда сверхфразовых единств, объединенных разными типами связи, и объективированное и обработанное в соответствии с типом документа, то есть обладающее типологическими особенностями. Вопрос об исключительно письменном характере текста потребовал дополнительного изучения, результатом которого стало выявление основных качеств текста даже у такой категории устного текста, как разговорный диалог. Сделан вывод «о существовании группы универсальных категорий, свойственных всем разговорным диалогам <...> эти категории можно считать текстоструктурирующими <...> Универсальные категории определяют инвариантные признаки текстовой структуры разговорного диалога и позволяют говорить об особом типе текстовой интегративности, коммуникативно-событийной, прагматической и динамической» (Борисова 2001: 319).

Таким образом, текст заявлен как объект лингвистики, обнаружены характерные его качества как в письменной, так и в устной речи. Среди них особо значимыми представляются воспроизводимость (существование определенных типов текста), законченность, структурная целостность, «структурирование сверху», от смысла (Адмони 1988: 206–207). (Отметим скобками и такое положение: «Важно <...> указать на органическую связь порождающих процессов с деятельностью сознания. Общее направление этих процессов будет определено точнее формулой “от содержательных процессов сознания к речевым текстам и от речевых текстов к содержательным элементам сознания”» (Кацнельсон 1972: 119).) Перечисленные выше признаки текстуальности так или иначе соотносятся со сказанным, позволяя, однако, расположить их в иной, чем у Р.-А. де Богранда и В. Дресслера, последовательности. Принятое нами расположение соотносится с отражением структуры коммуникативного акта: сфера адресанта непосредственно связана с интенциональностью, целеполаганием в речевой деятельности, целостностью как реализацией целеустановки и связностью, обеспечивающей целостность смысла; текст характеризуется прежде всего информативностью; *адресат*, разделяющий текстовую деятельность с адресантом, воспринимающий текст как целое, то есть представляющий себя в роли адресанта (Успенский 2007: 112), «включен» в области восприимчивости и ситуативности. Интертекстуальность характеризуется сложностью своих составляющих. Сюда часто включается принадлежность текста к определенному типу, что сегодня чаще всего обозначается как ин-тердискурсивность, а также использование прецедентных высказываний, объединяющих адресанта и адресата на уровне знаний, и, наконец, обращение к чужим текстам как инородным включениям, наделенным особой содержательной и экспрессивной силой.

В узком значении интертекстуальность сводится к последнему, тогда как интердискурсивность находит свое место в области информативности, а прецедентность – в воспринимаемости.

Обращение к этим категориям при указании на их роль в представлении теории текста, в определении принципов анализа рассматривается нами как системный подход к тексту. Обращение исследователей к его анализу чаще всего оказывается связанным с выделением отдельных компонентов (смыслового поля текста, модальности, времени и пространства и т. п.), значимые сами по себе, они не обеспечивают некоторого целостного представления об объекте изучения. Отметим, что каждый из них находит свое место при обозначенном нами подходе.

Таким образом, текст представляется продуктом речетворческого-го процесса, в структуре которого отражен и сам процесс его порождения. Этот процесс задан целым рядом экстралингвистических факторов, что находит выражение в отборе и особенностях функционирования средств всех уровней языковой системы. Они подвергаются семантическим преобразованиям, обуславливающим приращение смысла, что, в свою очередь, зависит как от взаимодействия языковых единиц в составе текста, так и от языковой культуры/ сознания субъектов порождения и восприятия текста. Вот почему не только порождение текста, но и чтение есть творческий процесс, связанный с проникновением в его смысловую глубину.

Особо следует отметить привлечение к анализу религиозных текстов, прежде всего в жанре проповеди. По характеру общения с адресатом, привлечения актуальных в социо-этическом плане тем, реализации как в письменной, так и устной форме, они сближаются с публицистическими текстами. Однако их содержательная основа принципиально отлична: такой текст опирается на сюжеты Св. Писания, толкование которых применительно к актуальным ситуациям действительности осуществляет второй субъект повествования – проповедник, что определяет его языковые особенности. Что касается привлечения преимущественно православных текстов, то, как известно, сущностные основания религий сближаются, хотя отмечаются их поведенческие реализации. Не затрагивая этих вопросов и сосредоточиваясь на основных характеристиках религиозных текстов, авторы делают попытку познакомить современного читателя со структурными и языковыми особенностями таких текстов.

Принципиально важные подходы к представлению материала пособия:

- признание текста типологизированным структурированным явлением, что позволяет выявлять его ведущие черты, то есть в процессе анализа работать с текстом как обладающим некоторыми общими чертами с текстами аналогичных жанров и облегчающим дальнейшую работу (понимание и порождение) с подобными текстами;
- представление признаков текстуальности и их языковых реализаций вместе с текстовыми иллюстрациями и поощрение активной интерпретации рассматриваемых явлений учащимися (замечим, что в пособиях И. Р. Гальперина, В. Г. Костомарова и нек. др. тоже отмечена тенденция к совместному изложению теоретических положений и практических наблюдений, тогда как в большинстве пособий активность учащихся задается только постановкой вопросов по содержанию изложенного материала и иллюстрирующих их текстов);
- включение во вторую часть пособия заданий для разбора текстов разной функциональной принадлежности, базирующихся на теоретическом материале первой части и предполагаемых возможных ответов на теоретические задания, что призвано продемонстрировать как сложность смысловой структуры текста, так и разный когнитивный потенциал языковой личности. Полагаем, что данное пособие поможет развивать столь необходимую современному человеку способность к адекватному пониманию текстов, составляющих его глобальное окружение, и порождению собственных текстов, обеспечивающих надежное речевое общение.

Литература

Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.

- Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. Л., 1994.
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
- Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, 2004.
- Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учеб. пос. М., 2000.
- Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, 2010.
- Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения / Ред. П. Уинстон. М., 1978. С. 249–250.
- Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 507.
- Русская грамматика: В 2 т. Синтаксис. М., 1980. Т. II.
- Селигман М.Э.П. В поисках счастья. 2-е изд. М., 2011.
- Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р. и др. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Харьков, 2009.
- Успенский Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникативное пространство. М., 2007.
- Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб., 2003.

Часть I

Содержание и способы языкового представления категорий текстуальности

Глава 1

Интенция и интенциональность

1.1. Общее представление категории

1. Прочитайте текст 1 и комментарий к нему.

Текст 1

(1) – Как у вас нынче яблочки?

(2) – Да уж какие тут яблочки / весь май дождь был / шмели не летали / а потом и вовсе заморозки //

(1) – Так ведь и в прошлом году погода была не очень / а яблоки какие были!

(2) – То в прошлом / и яблоням отдых тоже нужен //

Можем ли мы определить по этой записи, кто, где и о чем разговаривает? Да, можно сказать, что коммуникантами могут быть:

- соседи по дачному участку (коммуникация происходит при встрече на дачном участке или на дороге);
- коллеги, встретившиеся на работе после выходных дней;
- друзья или родственники (в этом случае «вас» – не форма вежливости, а указание на группу адресантов, и место разговора не поддается определению).

Тема разговора – предполагаемый урожай яблок. Эту информацию мы можем восстановить достаточно легко, при этом не обидим никого из участников. Однако очевидно, что подобного анализа диалога недостаточно, если мы говорим о коммуникации. Допустим, мы знаем, что говорят соседи. Судя по вопросу и второй реплике первого соседа, он может желать:

- выполнить долг вежливого человека, проявив внимание к своему знакомому при встрече;
- выяснить, как обстоят дела у соседа, чтобы сравнить со своими успехами;
- подбодрить второго коммуниканта напоминанием о том, что скоро яблоки созреют и садовник сможет заработать (говорящий знает, что яблоки – одна из серьезных частей семейного бюджета);
- заставить соседа лишний раз поволноваться о своем будущем (говорящему дополнительно известно, что яблоки – одна из серьезных частей семейного бюджета и что в этом году яблони у второго коммуниканта не цвели);
- заранее заручиться обещанием собеседника пригласить к себе в сад (говорящий помнит о том, что в прошлом году у соседа было так много яблок, что он позволил соседям собирать его фрукты).

Разумеется, это неполный перечень возможных намерений первого коммуниканта, однако даже в этих пяти вариантах очевидна палитра возможностей.

Своими ответами второй сосед может желать:

- пожаловаться соседу, чтобы вызвать его сочувствие;
- предупредить соседа о невозможности выполнить просьбу (подозревает, что тот может начать просить о чем-то);
- получить совет, поскольку сосед – опытный садовник;
- отвести возможный сглаз и рассказать о плачевности своего положения (по многовековой привычке крестьян), хотя на самом деле он ожидает хороший урожай;
- рассказать о своей неудаче, чтобы таким образом успокоить соседа, у которого никак не получается получить хороший урожай со своих яблонь.

Мы вновь останавливаемся на пяти возможных намерениях, хотя и этот список может быть продолжен.

Для чего нам нужно знать намерение говорящего? Если первый сосед проявляет себя просто как вежливый человек, то и рассматривать его высказывания мы будем в русле фатической речи. Если своими репликами он добивается получения информации, то мы рассматриваем их как реализацию тактики запроса информации. Если он подбадривает соседа, то мы оценим, насколько он был успешен в создании хорошего настроения у второго коммуниканта... От верного определения речевого намерения говорящего зависит то, что мы (и он сам, разумеется) будем считать коммуникативным успехом или коммуникативной неудачей.

Обратим внимание: для полноценного понимания самого приведенного выше бытового диалога и оценки его результата нам нужно знать, с какой целью задает свой вопрос первый коммуникант и что хочет ему сообщить второй коммуникант. Следовательно, можно говорить о необходимости для полноценного анализа дискурса такой категории, как цель высказывания. Не зная о коммуникативном намерении говорящего или отказываясь от анализа коммуникативного намерения автора текста, мы лишаем себя базы, на основании которой можно делать какие-либо заключения о приведенном тексте.

2. а) Познакомьтесь с текстом и определите, какими могли быть цели высказываний участников этого разговора.

Текст 2

Олег Попов

ДВА УРОВНЯ, ТРИ ФИНАЛА, 100 МАРОК И НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ

Разговор в кинотеатре «Художественный»:

- Гриша! Я звоню тебе с городского, потому что мобильный ты не берешь!
- Почему не беру?
- Что ты говоришь? Ты понимаешь, что ты говоришь? Как почему не берешь? Это я должна тебя спросить, почему не берешь! Я звоню тебе с городского, потому что мобильный ты не берешь! А ты вместо того, чтобы ответить по мобильному, его не берешь!

Благодаря приведенному выше тексту и размышлениям об интенциях садоводов (текст 1) и двух приятелей (текст 2) мы видим еще одну особенность рассматриваемой нами категории. Если мы анализируем диалог, то речевые намерения адресата и адресанта могут совпадать (допустим, оба соседа ведут светскую беседу и отдают себе в этом отчет), а могут и не совпадать (допустим, первый хотел подбодрить второго, а второй отводит сглаз от своего урожая). Если же мы обратимся к другой форме текста, например к роману или к стихотворению,

то и здесь намерение, с которым автор начинает творить свой текст, может как совпасть с тем смыслом, который читатель извлечет из текста, так и войти с ним в полное противоречие.

Г. Гадамер писал о том, что выпущенный в мир, обособленный от своего источника в лице автора текст начинает жить собственной жизнью и обретает определенную возможность для установления новых связей. Поэтому цель интерпретации заключается не в воссоздании, или реконструкции, первичного (авторского) смысла текста, а в создании, или конструкции, смысла заново.

Таким образом, в смысловое пространство художественного текста включено, наряду с намерением автора, намерение читателя. В отечественной лингвистике данные проблемы активно разрабатываются в последнее время Тверской герменевтической школой (Т. И. Богин, Т. Е. Заботина, Н. Л. Галеева, А. А. Богатырев, М. В. Оборина, О. П. Панкеева и др.). Согласимся также с обобщением: «Смысл текстового целого – интенция текста – дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его историческим контекстом» (Чернявская 2009: 50).

Однако, сравнивая бытовой устный разговор и диалог, воспроизведенный или созданный в письменной форме, мы заметим и важное их различие.

Текст 3

Лев Толстой

АННА КАРЕНИНА

Когда Левин опять подбежал к Кити, лицо ее уже было не строго, глаза смотрели так же правдиво и ласково, но Левину показалось, что в ласковости ее был особенный, умышленно спокойный тон. И ему стало грустно. Поговорив о своей старой гувернантке, о ее странностях, она спросила его о его жизни.

– Неужели вам не скучно зимою в деревне? – сказала она.

– Нет, не скучно, я очень занят, – сказал он, чувствуя, что она подчиняет его своему спокойному тону, из которого он не в силах будет выйти, так же, как это было в начале зимы.

– Вы надолго приехали? – спросила его Кити.

– Я не знаю, – отвечал он, не думая о том, что говорит. Мысль о том, что если он поддастся этому ее тону спокойной дружбы, то он опять уедет, ничего не решив, пришла ему, и он решился возмутиться.

– Как не знаете?

– Не знаю. Это от вас зависит, – сказал он и тотчас же ужаснулся своим словам.

Не слыхала ли она его слов или не хотела слышать, но она как бы спотыкнулась, два раза стукнув ножкой, и поспешно покатилась прочь от него.

Писатель подробно представляет то, что наблюдатель мог бы увидеть своими глазами. Более того, поскольку мы обратились к классическому роману, мы понимаем и то, чего не мог бы узнать наблюдатель, – реальные намерения коммуникантов, их размышления о намерениях друг друга. Конечно, не каждый письменный текст дает такую возможность, но каждый письменный текст вербализует ту ситуацию, которая понятна свидетелю и участнику коммуникации. Мы наблюдаем, таким образом, за тесной связью двух текстовых категорий – исследуемой нами и ситуативностью.

Обратимся к иному дискурсу: рассмотрим тексты, продуцируемые людьми, присутствующими на защите магистерской диссертации.

Магистрант произносит вступительную речь, в которой он должен представить свою работу комиссии. Магистрант свободен в выборе формы своего выступления, в отборе материала для выступления, в выборе интонации и манеры произнесения своей речи. Есть обязательные условия подобного выступления: магистрант должен показать, почему выбранная им тема интересна и актуальна, озвучить свою гипотезу и доложить о результатах проведенного исследования. Речь будет успешна, если магистрант будет осознавать, какова цель его действий: хочет ли он произнести нечто, чтобы выполнить неизбежный ритуал, или он желает поделиться с заинтересованными лицами тем, что его волнует.

Затем слово берет рецензент. Он обязан в общих чертах осветить содержание работы, подчеркнуть ее сильные стороны, отметить недостатки и задать вопросы. При всей стандартизованности подобных выступлений рецензии получают разные, их по-разному произносят и по-разному воспринимают. Рискнем предположить, что, помимо опыта и личного мастерства рецензента, важную роль в достижении цели рецензирования играет осознанное определение автором цели своего высказывания.

Мы можем заметить, что и в научном дискурсе речевое намерение адресанта является одной из базовых категорий текста. Обратим внимание на то, что речевые намерения могут быть явные, анонсируемые говорящим, и скрытые, не афишируемые автором. Так, истинная цель магистранта может быть иной – ввести в заблуждение собравшуюся научную общественность. В итоге возможно несовпадение действительной интенции говорящего и коммуникативной интенции, предоставляемой в высказывании говорящего для распознавания слушающему. Вспомним здесь примеры Дж. Остина, относящиеся к расхождению явных и скрытых интенций или неискренности: «Я поздравляю вас – в устах человека, который испытывает вовсе не удовлетворение, а скорее даже досаду; Я соболезную вам – в устах человека, не испытывающего к вам никакого сочувствия; Я вам советую... – в устах человека, который не считает, что выполнение совета принесет наилучшие плоды» (см.: Остин 1986) и т. д.

Имея общее представление об интенции как текстовой категории, попробуем выработать ее определение. Сначала приведем словарное определение этой категории:

«ИНТЕНЦИЯ (от лат. *intentio* – стремление), намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет. Понятие интенции разрабатывалось в схоластике, в 19–20 вв. учение об интенциональности сознания было развито Ф. Brentano, А. Мейнонгом, Э. Гуссерлем и др.» (Большой энциклопедический словарь 2000).

Мы видим максимально обобщенное представление, которое помогает развивать наши размышления в правильном направлении.

В лингвистику понятие интенции было введено последователями английского логика Дж. Остина для достижения большей точности в описании иллокуции и иллокутивной функции. В определениях интенции, появившихся с тех пор, ученые обращают внимание на различные ее аспекты. Так, по определению Г. П. Грайса, интенция – это намерение говорящего сообщить нечто, передать в своем высказывании определенное субъективное значение (Грайс 1985: 224).

Кроме того, существует теория планирования М. Братмана, согласно которой человек является планирующей личностью (*planning agent*). Планы имеют иерархическую структуру, элементами которой являются интенции. Реализуя последовательно каждую из интенций, человек выполняет запланированное, достигая или не достигая при этом определенного результата. «Интенция, как элемент модели планирования, имеет свойство стабильности (будучи однажды сформированной и “рационально осмысленной”, интенция не исчезает до момента ее реализации); она является одновременно причиной и результатом практического осмысления (каждая интенция в пошаговом выполнении плана, достигнув стабильно-

сти и будучи реализованной, является стимулом для порождения новой интенции); интенция выполняет своеобразную функцию “контроля поведения”» (Антонова 2006: 68). Таким образом, в теории планирования интенция определяется как особое состояние сознания, порождаемое практическим осмыслением реальной ситуации и рассматриваемое отдельно от других ментальных состояний.

В указанной статье А. В. Антонова соединяет идеи теории планирования с достижениями теории релевантности Д. Уилсон и Д. Спербера. «В центре этой теории находится иерархическая ин-тенциональная модель коммуникации, состоящая из двух уровней: информативной интенции (*informative intention*) и коммуникативной интенции (*communicative intention*). Сама вербальная коммуникация рассматривается Уилсон и Спербером не просто как процесс кодирования и декодирования информации, а как процесс правильной интерпретации интенции говорящего на уровне мета-репрезентаций при условии релевантности информации» (там же: 69). При этом информативная интенция – это «ментальное представление говорящим такого положения дел, при котором некоторая информация становится доступной сознанию слушающего в результате высказывания говорящего» (там же: 70). Как и следовало ожидать, коммуникативная интенция – это намерение сообщить реципиенту, что говорящий имеет информативную интенцию. Значит, к определениям рассматриваемой категории можно добавить и следующее (мы пытаемся вводить в новое определение уже использовавшиеся обозначения): интенция – это соединение ментального представления говорящего о субъективном значении с намерением сообщить об этом представлении реципиенту.

Если от категорий логики перейти к категориям семантики и прагматики, то полезно иметь в виду определение интенции, которое помещает нашу категорию непосредственно в русло изучения конкретных проблем социальной коммуникации: «...комплекс целей, породивший именно такой (т. е. избранный говорящим) вариант общения» (Арутюнов, Чеботарев 1996: 76).

Конечно, чаще всего интенция определяется как цель высказывания, при этом закономерно составляются разнообразные каталоги интенций (см., например: Адамьянц 1999: 22). Аналогичное понимание интенции выражено у О. Г. Почепцова: «...разновидность желания, которое сформировалось на основе определенных целей и мотивов говорящего и для реализации которого носитель коммуникативного намерения предпринимает определенные шаги, используя оптимальные языковые средства» (Почепцов 1986: 170).

Несколько иное, но близкое понимание объема понятия у Н. И. Формановской. Она полагает, что речевая интенция – это «намерение говорящего совершить адресованное речевое действие практического или ментального характера» (Формановская 2005: 107). Коммуникативное намерение можно понимать как замысел строить речь в информативном или фатическом ключе, в официально-деловом, разговорном или ином стиле, в монологической или диалогической форме, устно или письменно, согласно той или иной стратегии и тактике. Речевая интенция «является психическим денотатом перформативного высказывания в речевом акте и в то же время мотивационно-целевым побуждающим субстратом такого же речевого акта» (там же: 110). Продолжая эти размышления, мы отмечаем, что, с одной стороны, речевая интенция – это своеобразный психический денотат соответствующей лексемы: *обвинять, упрекать* и др. С другой стороны, это мотивирующая и целевая установка воздействовать на адресата и взаимодействовать с ним с помощью интенции – пропозиции высказывания: *обвиняю вас* и т. д.

Во всяком случае, для нас важно, что речевое намерение мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интен-циональном смысле, который имеет разные способы языкового выражения. Закономерно поэтому и появление методики интен-анализа, который позволяет выявить речевое и коммуникативное намерения автора высказывания (по большей части эти исследования проводятся на материале политических текстов, см. работы Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой и др.).

Наконец, возможен и более узкограмматический подход к проблеме анализа интенции, такой метод представлен в работах А. В. Бондарко. Исследователь предпочитает говорить об интенциональности и определяет ее как «связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, т. е. способность содержания, выражаемого данной языковой единицей, в частности грамматической формой (во взаимодействии с ее окружением, т. е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Примером проявления интенциональности в сфере грамматических значений может служить смысловая актуализация семантики времени в высказываниях, включающих соотношения временных форм: Я здесь жил, живу и буду жить» (Бондарко 2001: 4).

Иное понимание термина мы находим в работах исследователей текстов. Так, И. П. Сусов определяет интенцию как «основной текстообразующий фактор, организующее звено в многослойной содержательной структуре речевого произведения» (Сусов 1979: 101). Впрочем, при анализе текстовой интенции исследователи обычно предпочитают не давать собственное определение этой категории, а сразу переходить к рассуждениям о ее наличии, распознавании и восприятии в конкретном тексте. В самых общих чертах можно отметить, что при интенциональном анализе текстов необходимо помнить об определенных трудностях. Лишь немногие единицы языка и текста употребляются в тексте в своем прямом значении, большинство же приобретают различные экстралингвистические элементы смысла, поэтому значение любого высказывания, даже очень простого по составу лингвистических единиц, является многомерным. Совершенно нейтральные с точки зрения коммуникативной направленности предложения информативного характера можно создавать и понимать с учетом не только системного значения, но и ситуативного интенционального значения в конкретном речевом употреблении. Чтобы установить прагматический тип того или иного фрагмента или целого текста, необходимо обратиться к экстралингвистическому анализу ситуации, анализу контекста.

б) Прочитайте определения интенции еще раз. Ответьте на вопросы.

1. Есть ли что-либо общее в этих определениях?
2. Чем различаются между собой эти определения?
3. Какое определение интенции вам кажется наиболее точным? Объясните, почему.

Интенция – это:

- намерение передать субъективное значение с целью получить определенный результат (Г. П. Грайс) – логический подход;
- особое состояние сознания, порождаемое практическим осмыслением реальной ситуации и стоящее отдельно от других ментальных состояний (М. Братман) – теория планирования;
- соединение ментального представления говорящего о субъективном значении с намерением сообщить об этом представлении реципиенту (Д. Уилсон, Д. Спербер) – теория релевантности. Более специализированным образом, с акцентом на семантическом и прагматическом аспектах, интенцию можно определить так:
 - цель высказывания;
 - намерение говорящего совершить адресованное речевое действие (Н. И. Формановская).

3. Прочитайте текст 4. Ответьте на вопросы.

1. С каких позиций цитируемые исследователи рассматривают интенцию?
2. Почему Н. С. Ковалев предпочитает говорить об интенциональности?
3. Насколько обоснованным вам представляется стремление Н. С. Ковалева объединить в своем рассуждении понятия «концепт» и «интенциональность текста»?
4. Применим ли интенциональный анализ к таким текстам, как летопись?

Текст 4

Н. С. Ковалев

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ ТЕКСТ: ПРИНЦИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ

В первых отечественных работах по лингвистике текста (напр., в известной монографии И. Р. Гальперина) свойство интенциональности речевого произведения не было выделено. Некоторые исследователи, не приводя каких-либо доводов, включают его в другие, более общие свойства текста, такие как целостность, завершенность, соответствие речевой стратегии автора. Более плодотворным представляется рассмотрение интенциональности во взаимосвязи с понятием «концепт», поскольку именно концепт текста, обладая адаптивной структурой и имея высокий статус в ценностной картине мира автора, способен точнее других единиц текста выразить «глубинную психолингвистическую реакцию» автора на событие <...> (Красных В. В., 56). Уместно отметить, что В. В. Красных, развивая мысль о статусе концепта в семантической структуре создаваемого текста, приходит к выводу о том, что с точки зрения тематического и коммуникативного единства концепт является текстообразующей категорией. Психолингвистическая направленность предлагаемого В. В. Красных способа интерпретации не позволяет использовать его без оговорок в собственно лингвотекстовом анализе. Для лингвиста предпочтительно рассматривать следующие отношения между понятиями «концепт» и «интенциональность»: концептом принято считать ядерный глубинный смысл, формирующийся на основе интенции и отражающий в содержании текста признаки целевых установок автора и адресата; интенциональность – это совокупность всех реализаций ядерного концепта, выражающая намерения автора, коммуникативную направленность текста как смыслового целого. Тот факт, что интенциональность летописного текста ранее не была предметом изучения, можно объяснить двумя обстоятельствами: неразработанностью концептологических аспектов текста, с одной стороны, и устойчивостью традиционного толкования летописи как набора хронологически упорядоченных и стереотипно изложенных фактов прошлого – с другой...

Интенции составителей ГВЛ (Галицко-Волынской летописи) совпадают в главном – выражении идеи превосходства князей Романовичей, как богоданных.

4. Прочитайте определение интенции, которое приводится в «Википедии». Подумайте над вопросами.

1. Как вы опишете адресата этого определения?
2. Как вы думаете, какие специалисты участвовали в создании этого определения?
3. Что добавило это определение к вашему знанию об интенции?
4. Есть ли что-либо в этом определении, с чем вы не согласны?
5. Как вы думаете, что следует добавить к статье об интенции для энциклопедии открытого типа?

Текст 5

ИНТЕНЦИЯ

Интенция (лат. *intentio* «стремление») – направленность сознания, мышления на какой-либо предмет; в основе такой направленности лежит желание, замысел.

В отличие от желания, которое представляет собой влечение, стремление к осуществлению чего-нибудь, замысел понимается как задуманный план действий, поэтому представляется целесообразным связывать интенцию прежде всего с замыслом. **Интенция – коммуникативное намерение – может появиться в виде замысла строить высказывание в том или ином стиле речи, в монологической или диалогической форме. Разновидностью интенции является речевая (коммуникативная) интенция – намерение осуществить речевой акт. Интенция также может означать бессознательное намерение, буквально: «то, что ведет меня изнутри туда, куда я хочу».**

1.2. Интенция в художественном тексте

Для начала размышления над основными интенциями художественного текста сравним мемуары и художественную автобиографию. Смысл мемуаров – в их документальности. Жизнеописание последовательно излагает события, хотя не с идеальной полнотой и всегда с элементом предвзятости, вольной и невольной, но в безусловном подчинении главной цели – составить достоверную «картину жизни». Автобиографический художественный текст всегда избирателен в подаче материала. Материал должен волновать, задевать, вызывать сочувствие (или антипатию), и в этом случае читатель говорит: «Мне нравится эта книга». Жизнь каждого человека, как последовательность дней, сера и обыденна, потому фрагменты выбираются сообразно их яркости, живости, способности взволновать читателя.

Разумеется, подобную реакцию может вызвать и проповедь, философский трактат, заметка в журнале, научная статья или статья закона. Специфика художественного текста состоит в том, что он конституирует виртуальную реальность, по отношению к которой читатель является созерцателем и одновременно строителем, поскольку именно в сознании читателя происходит реконструкция слов в образы предметов, лиц и событий, и в этом заключается ценность художественной литературы. Неважно, имеют ли виртуальные конструкты литературы прообразы в реальной жизни. Важно, чтобы эти конструкты отвечали читательским ожиданиям, чтобы в них воплощались разнообразные потребности, желания, мечты читателя.

Таким образом, можно сказать, что глобальная интенция мемуарного дискурса – сообщить информацию о предмете. Интенция художественного текста – доставить удовольствие с помощью этого предмета. Определив эти общие соображения относительно намерений авторов художественных текстов, перейдем к рассмотрению лингвистического плана обсуждаемой категории. Самая известная категория, близкая к интенции, – образ автора.

«Образ автора – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» (Виноградов 1959: 140). По мысли В. В. Виноградова, содержание текста и цель создания текста соотносятся с языковыми средствами, использованными для выражения мыслей.

Понятие «образ автора» высвечивается при выявлении и вычленении других понятий, более определенных и конкретных, – производитель речи, субъект повествования. Вершиной этого восхождения и оказывается образ автора. Производитель речи – субъект повествования – образ автора – такая иерархическая расчлененность помогает постижению сущности искомого понятия, то есть образа автора. Однако реальный автор (производитель речи), приступая к созданию произведения, имеет определенную цель или задание: либо сам себе ставит эту задачу, либо получает ее извне.

Известны, например, муки Ф. М. Достоевского при определении формы субъекта повествования при создании «Подростка»: от автора или от «я»? Почти полгода мучился Достоевский вопросом, как писать роман. Ю. Ф. Карякин, исследовавший этот вопрос, насчитал около 50 высказываний Достоевского на этот счет (Карякин 1989).

Образ автора, естественно, создается в литературном произведении речевыми средствами, поскольку без словесной формы нет и самого произведения, однако этот образ творится читателем. Он находится в области восприятия, которое задано и направлено волей автора, но на процесс восприятия оказывает влияние не только автор. Именно потому, что образ автора больше относится к сфере восприятия, а не собственно материального выражения, возникают трудности в точности определения этого понятия (аналогичная ситуация сложилась, например, со всем понятной, но никем точно не дефинированной категорией «подтекст»).

Часто эта категория называется и по-другому – субъективизацией, то есть творческим сознанием субъекта в его отношении к объективной действительности. Образ автора – это не субъект речи, часто он даже не называется в структуре произведения. Это «концентрированное воплощение сути произведения» (Виноградов 1971: 118) или «нравственное самобытное отношение автора к предмету изложения» (Л. Н. Толстой). Л. Н. Толстой писал: «Во всяком художественном произведении важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и все то в произведении, что написано на это отношение. Цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц, а в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение» (цит. по: Валгина 1998).

Существуют различные способы понимания интенции в художественном тексте и ее анализа. Рассмотрим основные из них.

1. Интенция автора художественного произведения – желание передать свое мировоззрение.

В работах по анализу текста можно встретить такое обозначение области исследования, как метапоэтика. Это поэтика по данным метапоэтического текста, или выявление кода автора, имплицитного или эксплицитного в художественных и даже нехудожественных текстах. Метапоэтика опирается на исследования дискурсивной данности, на данные языка автора.

Например, исследование метапоэтики А. П. Чехова приводит к выявлению режиссерских интенций писателя. Данные метапоэтического дискурса позволяют говорить о влиянии театрального текста на драматургический, а также о том, что драматург обладает собственным видением сценической интерпретации и способен обосновать его. Изучение режиссерских интенций проводится путем установления корреляции художественного текста с основными идеями времени его создания; той же цели служит определение рефлексии А. П. Чехова по поводу современного ему театра и по поводу сценических интерпретаций пьес. Метапоэтический анализ предполагает привлечение объемного массива фрагментов метапоэтического дискурса, на основе которого выделяются ключевые позиции интерпретации. После этого анализа делается следующий вывод: «Важной чертой режиссерского видения является сохранение

этического, интеллигентного начала писателя, драматурга. Терпение и смирение, скромность материальных запросов (“нищета духом”), любовь и сердечная теплота, даже терпеливое безмолвие (“молчание... молчание...” – черты нравственного мира его героев. Сам А. П. Чехов, отказавшийся от прямой проповеди, вложил суждения об этом в их уста» (Ходус 2008: 95).

2. Интенция – идея автора, которую исследователю нужно выявить и сформулировать своими словами.

Пример подобного отношения к интенции автора текста мы видели выше: см. фрагмент из работы Н. С. Ковалева (с. 25–26). Напомним, что интенциональность в данном случае – это совокупность всех реализаций ядерного концепта, выражающая намерения автора, коммуникативную направленность текста как смыслового целого. Способом выяснения интенции становится когнитивный (концептуальный) анализ текста.

3. Интенция автора – желание воздействовать на эмоции читателя.

а) Примером одного направления внутри обозначенного подхода может послужить анализ стихотворения В. Маяковского «А все-таки» Е. В. Тырышкиной ([2005]). Исследователь полагает, что Маяковский пишет о тех, кто понять его может, но не хочет (люди высокой культуры), и о тех, кто понять готов, но не может (чернь). Тем самым поэт взывает к идеальному читателю, который поймет и оценит, одновременно декларируя невозможность понимания, невозможность для кого бы то ни было занять эту позицию. Интенция же поэта, согласно цитируемой статье, здесь интересна именно с точки зрения основного объекта – художественного явления авангарда. Осознанное намерение автора – вызывать сильные эмоции у читателя, разбудить и разбередить его душу, а затем бросить, не позволив достичь катарсиса. Действительно, адресата «постоянно провоцируют на сочувствие, жалость – и демонстрируют его неспособность понять высокие истины, доступные лишь поэту, а как только он ловится на крючок человечности (“я – ваш поэт”), его гневно бичуют; жаждут признания – и оскорбляют, и в конце концов оставляют с носом, превращая все сказанное в шутку» (там же).

б) Несколько иной подход к анализу текста предлагает, например, О. В. Василенко (2001). В статье доказывается, что «авторской установкой “Сказания о Борисе и Глебе”, по-видимому, было вызвать сочувствие к убитым братьям. Автор акцентирует внимание на мученической смерти братьев. Интенцией автора не было написать типичное житие. Именно поэтому автором используется больше императива-мольбы, так как этот оттенок значения эмоционален и содержит в себе меньший процент назидательности, чем призыв и увещание». Интенция здесь – авторская установка, близкая к категории образа автора.

4. Интенция автора – вызвать у читателя рефлекссию по поводу абстрактных категорий.

А. А. Богатырев (2000) анализирует рассказ В. Шукшина «Срезал» и доказывает, что коммуницируемая текстом ситуация общения проигрывается читательским сознанием одновременно в двух параллельных сценариях – фактически рассказанном и отрицающем его должном, нормальном. Это состояние может интерпретироваться как разрыв между отклонением и нормой и как разрыв между сущим и должным. Сфера рефлексии реципиента художественного текста над предметами такого порядка и образует, по мысли ученого, интенцию текста.

5. Интенция автора – тайная идея, которую надо дешифровать, поскольку она открывается не всем. Вариант: интенция – желание поиграть с читателем, предложить головоломку, которую можно отгадать на разных уровнях понимания.

Для иллюстрации подобного отношения к анализу намерения автора текста обратимся к произведению И. А. Крылова – басне «Волк на псарне».

Первый вариант прочтения: под ловчим подразумевается великий русский полководец М. И. Кутузов. Поводом для написания басни послужили события, связанные с желанием Наполеона вступить в мирные переговоры, которые были отклонены М. И. Кутузовым. Вскоре после этих переговоров Кутузов нанес войскам Наполеона поражение при Тарутине. Заметим, что, по свидетельству современников, басню «Волк на псарне» И. А. Крылов собственноручно переписал и отдал жене М. И. Кутузова, которая отправила ее мужу в письме. М. И. Кутузов прочитал басню после сражения под Красным собравшимся вокруг него офицерам и, произнося слова «а я, приятель, сед», снял фуражку и потряс наклоненной головой.

Обобщая подобную трактовку, скажем, что эта басня – драма, в которой даны характеры в их психологической и социальной реальности. Волк силен и хитер, но Ловчий тоже мудр и не поддается на описание мнимой силы противника и выгоды от перемирия.

Однако басню можно прочесть и иначе, что и предлагает сделать Л. С. Выготский (1986). Его удивляет тревога, близкая к панике, в первой части басни. Кроме того, результатом ошибки волка становится не растерянность его самого, а смятение псарни.

С точки зрения поэтики, это противопоставление подтверждается: шумливый, кричащий, бегающий, бьющий, смятенный стих вдруг делается длинным, медленным и спокойным, переходя к описанию волка. Гибель волка неизбежна, однако он величав и спокоен, говорит торжественно и даже иронично: «И начал так: “Друзья, к чему весь этот шум?”». Противоречие между истинным положением дел и самосознанием и поведением персонажей служит основным структурным приемом всей басни (волк хочет всех съесть – на словах он обещает им покровительство; он жалко забился в угол – на словах он милостиво обещает больше не обижать овец; собаки готовы растерзать его каждую секунду – на словах волк обещает им защиту; на деле перед нами вор, который клянется в верности. Ловчий, прерывая речь волка, отвечает ему явно в другом стиле и тоне. «Если язык волка совершенно правильно назвал один из критиков возвышенным простонародным наречием, неподражаемым в своем роде, то язык ловчего явно противоположен ему как язык житейских дел и отношений. Его фамильярные “сосед”, “приятель”, “натуру” и т. д. составляют полнейший контраст с торжественностью речи волка» (там же). Поразительно, но ловчий согласен на мировую, он отвечает волку на его предложение о мире согласием в прямом смысле. Переговоры закончились мировой, травля – смертью. Одна строка рассказывает о том и о другом вместе.

Рассматривая басню таким образом, мы можем охарактеризовать ее как трагедию, в которой традиционно объединяются гибель и торжество героя (при этом героем оказывается не ловчий, а волк). «Разве кто скажет, что в этой басне против волка обращено острие насмешки? Напротив, наше чувство организовано и направлено таким образом, что нам делаются понятными слова одного критика, который говорит, что Крылов, выводя своего волка на гибель, мог, пародируя евангельский текст и слова Пилата, выведившего на гибель Христа, сказать: “Ессе lupus”» (там же: 41).

1.3. Интенция в публицистическом тексте

Глобальная авторская интенция в публицистическом тексте – убеждение читателя в правильности авторского понимания происходящего (не информирование или развлечение и не стимуляция мыслительного процесса в сознании читателя). Н. И. Клушина (2008) приводит целую парадигму различных текстовых категорий, которые служат эффективному воплощению стратегического намерения публициста. Более того, на основании анализа колоссального объема материала из разных СМИ ученый делает вывод о том, что сегодня происходит смещение в нюансах этой глобальной интенции: от убеждения в сторону манипулирования.

Порождение текста диктуется авторской интенцией (авторским коммуникативным намерением). Таким образом, именно интенциональные черты текста становятся текстообразующими.

Важно также помнить, что в публицистическом творчестве в большой степени, чем в каком-либо творчестве, адресант учитывает активную позицию адресата. Влияние гипотезы адресата осуществляется уже в дотекстовой деятельности, на этапе формирования замысла, так как существуют некие информационные запросы аудитории, воздействующие на формирование авторского замысла журналиста. Но какое влияние оказывает это обстоятельство на текст? Вспомним, что М. М. Бахтин характеризовал авторский замысел как «речевую волю говорящего» (Бахтин 1979: 276). Т. М. Дридзе (1996) замечает, что в авторском замысле отражается цель создания текста: замыслом является то, для чего или ради чего предпринимает усилия автор. Ученый также подчеркивает, что целостность структуры текста обусловлена наличием концептуальности в замысле. Таким образом, концепция будущего текста и его цель формируются как реакция на запросы аудитории и как стимул к ее ответу в дальнейшем.

Поскольку сегодня воздействующая функция публицистического текста становится его ведущей характеристикой, об интенциональном анализе подобного текста можно говорить в любом случае, когда объектом исследования становится публицистический текст. Все возможные художественные, риторические, структурные и иные средства, используемые автором такого текста, можно рассматривать как средства воплощения глобальной интенции текста этого типа.

1.4. Основные принципы выявления интенции автора текста

Поскольку мы полагаем, что интенция является базовой категорией текста, то логично заключить, что любой из известных методов и принципов анализа текста в конечном итоге может привести нас к выявлению интенции автора. Однако представляется, что будет полезным перечислить методы, которыми по преимуществу пользуются современные исследователи, размышляющие над интенцией автора анализируемого ими текста. Ограничимся кратким перечнем подобных подходов (при желании читатель может обнаружить применение указанных методов анализа в статьях и примерах, имеющих в данном разделе):

- анализ формы и следования стандарту при обращении к текстам делового и научного характера;
- анализ композиции при обращении к художественным и публицистическим текстам;
- выявление и анализ использования перформативов и других грамматических способов передачи авторской интенции в документах и деловых письмах;
- анализ стилистических средств в текстах всех типов;
- анализ ключевых слов, выявление мотивов, определение ассоциаций в публицистических и художественных текстах;
- анализ концепта как структурообразующей единицы;
- анализ коннотаций и выявление подтекста;
- анализ используемых тактик и стратегий при анализе текстов, принадлежащих устной речи.

5. Выберите художественный или публицистический текст и проведите его интенциональный анализ.

1. Определите, что именно вы будете понимать под интенцией автора выбранного текста. Аргументируйте свое понимание этой категории применительно к выбранному тексту.

2. Еще раз прочитайте параграф «Основные принципы выявления интенции автора», приведенный выше. Определите, какие из предложенных способов анализа в большей степени соответствуют выбранному вами материалу. Объясните свой выбор.

3. Проведите анализ.

4. Опишите, какими другими путями можно было бы выявить интенцию автора выбранного текста. Сравните возможности, которые предоставляет тот или иной путь. Совпадут ли выявленные различными способами интенции?

Литература

Адамьянц Т. З. К диалогической коммуникации: от воздействия – к взаимодействию. М., 1999.

Антонова А. В. Об интенциональной модели манипулятивного речевого акта // Вестник СамГУ. 2006. № 10/1 (50). С. 67–73.

Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г. Интенции диалогического общения и их стандартные реализации // Русский язык за рубежом. 1993. № 5/6. С. 75–82.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. М., 1979.

Богатырев А. А. Понятийная и идейная семантическая интерпретация художественного текста // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 4. Тверь, 2000. Режим доступа: <http://www.tol.tversu.ru/Meridian4.htm>.

Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13.

Валгина Н. С. Теория текста: Уч. пос. М., 1998. 210 с. Режим доступа: www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/index.html.

Василенко О. В. Коммуникативный акт в текстах Борисо-Глебовского цикла // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. Казань, 11–13 дек. 2001 г.: Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань, 2001. Т. 1. С. 61–62.

Виноградов В. В. Проблема автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1986. Гл. 6: «Тонкий яд»: Синтез. Библиотека Гумер – гуманитарные науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/psihol/vugotsk/_psiskus_index.php.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–238.

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация и культура в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 11–29.

Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989.

Клишина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–131.

Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев, 1986.

Сусов И. П. О двух путях исследования текста // Значение и смысл речевых образований / Отв. ред. И. П. Сусов. Калинин, 1979. С. 90–103.

Тырышкина Е. В. Русский авангард начала 20-го века: аспекты прагматики // Поэзия авангарда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_pragmatika.htm.

Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи: Сб. науч. ст. / Под ред. И. А. Шаронова. М., 2005. С. 106–116.

Ходус В. П. Режиссерские интенции А. П. Чехова по данным метапоэтики // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 5 (58). С. 88–96.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.

Словарь

Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139766>.

Источники

Колесова Д. В. Запись на улице. Ленинградская область. 2009.

Попов О. Два уровня, три финала, 100 марок и несколько примеров // Полит.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2009/06/29/2uroven3final.html>.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1970.

Ковалев Н. С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции: Уч. пос. Волгоград, 2001 // Единое окно доступа к образовательным ресурсам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=25530.

Интенция // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Интенция>.

Глава 2

Целостность

2.1. Категория целостности в аспекте лингвистики

Во всех определениях интенциональности подчеркивалось ее целевое назначение: интенциональность понимается как замысел, намерение, цель, ради достижения которой осуществляется речевое действие. Цель определяется как то, что задает внутреннее единство производимого действия, его целостность. По отношению к тексту цель формирует его смысловую цельность, которая позволяет дать краткий ответ на вопрос, о чем этот текст, и часто находит выражение в его заглавии. Автор одной из первых книг, посвященных теории текста, И. Р. Гальперин пишет: «Один из существенных признаков текста – его завершенность. Этот признак вытаскивает на поверхность текста заголовок, без которого, с моей точки зрения, нельзя построить модель текста» (Гальперин 2004: 5). Обратимся к примеру (текст 1), где писатель Ю. Бондарев рассказывает о своей работе.

1. а) Прочитайте текст, подберите название для него. Определите, в какой мере оно отразит замысел автора, реализованный в этом тексте и формирующий его смысловое единство. Аргументируйте свой выбор.

Текст 1

Юрий Бондарев

Когда-то увиденные мною в жизни сцены, а вследствие этого возникшие ощущения мучительно «сидят» в моей памяти до той поры, пока с большими потерями точности и красок я не перенесу их на бумагу.

Но как только я освободился от этих засевших в памяти картин и определенного настроения, сразу же наступает облегчение, хоть и не до конца удовлетворяющее. И после этого все, что действительно было в реальности, воспринимается мною только через написанное <...> и я уже не возвращаюсь больше к использованной памяти, несмотря на то что отраженное на страницах книги явно не равно бывшему когда-то на самом деле. Удалось ли мне передать осенний Днепр в «Батальонах», или «воздух» возвращения в «Тишине», или сумасшествие боя в «Горячем снеге», но теперь я избавлен от некоторых ощущений воспоминаний, связанных с этими событиями моего прошлого.

Внимательное прочтение текста позволяет обнаружить в нем трижды употребленное «ключевое» слово, которое организует содержание как первого абзаца, так и второго: с его помощью непосредственно фиксируются «шаги» творчества писателя. Оно удерживает наше читательское внимание на протяжении всего текста, обеспечивая его цельность. Хотя, конечно, не оно одно выполняет эту объединяющую, интегративную функцию.

б) Назовите это слово, включите его в заголовок.

Категория смысловой целостности была выдвинута в качестве основного признака текста, когда его изучение только начиналось. Целостность текста понималась как его содержательная организация, функционально направленная на достижение определенной цели, «решение определенной задачи» (Леонтьев 1979: 28).

Отношение к ней лингвистов не было одинаковым. Дело в том, что далеко не в каждом тексте мы обнаружим, как в разобранный выше примере, ключевые слова, которые объединяют как предложения внутри компонентов текста (в нашем случае компонентами текста являются сложные синтаксические целые, представленные абзацами), так и сами эти компоненты. Даже при отсутствии таких слов мы можем воспринимать соединение предложений как текст. Казалось, что смысловая целостность текста не обеспечивается сколько-нибудь определенными языковыми средствами и поэтому не может быть признана лингвистической категорией. Связанная с деятельностным аспектом речи, с процессами его создания и восприятия, она была отнесена к категориям психолингвистики, в рамках которой рассматривалась как некое неструктурированное образование, соотносимое со сферой бессознательного, как некий до конца неосознаваемый образ объекта, возникающий в сознании адресата при восприятии целого текста. Способом его изучения признавался психолингвистический эксперимент – опрос читателей для выяснения того, какой смысл они извлекли из текста. Об этом писали, например, А. Р. Лурия (1979), Н. И. Жинкин (1981), Л. В. Сахарный (1994) и др.

Однако развитие лингвистической семантики, системного представления о лексических и грамматических значениях языковых единиц, рассматриваемых в системе, наблюдение за тем, как эти значения преобразуются в речи, то есть за процессами пользования языком, и параллельно за тем, как одновременно с ними порождается текст, за его структурными особенностями, оказало воздействие на отношение к смыслу, который складывается в ходе ознакомления с целым текстом, является результатом интеграции всего того, что составляет содержание текста. Лингвистика оказалась перед необходимостью заниматься не только значениями языковых единиц, но и порождаемыми ими в процессе речи смыслами: «...термины *значение* и *смысл* предстают как соотносимые понятия, но значение относится к языку (представляет собой явление языка), а смысл – к речи (представляет собой явление речи): значения заданы в языке, между тем смысл строится (образуется) в тексте. Если денотатом языкового знака является некоторое явление (объект, действие или состояние), то денотатом текста оказывается некоторая обозначаемая им ситуация, т. е. фрагмент действительности – актуальной или мыслимой, реальной или представленной в нашем воображении» (Успенский 2007: 98–99).

«Осознав некий текст как целое, мы тем самым ищем его понимания как целого» (Гаспаров 1996: 324). Единство ситуации, лежащей в основе текста, считается одним из главных факторов, определяющих целостность текста, его тематическое поле, которое представляет «согласованную» по смыслу и синтаксически организованную лексику.

Тема понимается как некий «первоэлемент текста». «Тема есть то содержание, то семантическое поле текста, которое выражается языковыми средствами различных уровней и разнообразными приемами» (Жолковский, Щеглов 1975: 143–145).

Сравните с предыдущим такое высказывание: «...чем теснее содержание сообщения связано с фактами реальной жизни (или воображаемой как реальной), тем меньше оно нуждается в специальном подчеркивании или даже просто в выражении их взаимосвязи. Отсюда вытекает принципиальная возможность опирать связность текста на связях, заложенных в самих передаваемых явлениях и фактах, т. е. на уровне референта речи» (Кожевникова 1979: 60).

Мы воспринимаем целостность как содержательную категорию того речевого высказывания, которое определяется как текст. Однако, как мы уже знаем, целостность оказывается порождением не только представления в тексте определенной ситуации реальной действительности, но и отражения этой ситуации под определенным углом зрения, в соответствии с тем, как она осмыслена говорящим (обозначенное им «положение дел») и воплощением ее в определенной жанровой форме.

Возвращаясь к приведенному выше тексту Ю. Бондарева, можно сказать, что в нем представлены воспоминания конкретного человека (*Когда-то увиденные мною в жизни сцены, а вследствие этого возникшие ощущения мучительно сидят в моей памяти*), но фактически

речь идет о потребности рассказчика перенести воспоминания на бумагу. Рассказ воплощается в форму миниатюры – жанра интеллектуальной рефлексии. Указанные обстоятельства позволяют говорить о модальной (отношение говорящего к содержанию сообщения) и структурной (соответствие особенностям избранной жанровой формы) целостности текста. Этот текст завершен, автор выполнил свою задачу, соединив две программы с установками на представление особенностей своей памяти и осуществление этих особенностей в процессе творчества, то есть реализовал условия коммуникации – достиг коммуникативной целостности.

Итак, целостность – это важнейшая текстовая категория. Последовательность предложений, не соотносимых с какой-то одной ситуацией, представляемой говорящим, и поэтому лишенных смысловой целостности, текста, как правило, не образует. Смысловая целостность неизбежно дополняется целостностью модальной, структурной и коммуникативной.

Дать определение целостности с позиций лингвистики, то есть обеспечения всех ее составляющих средствами языкового выражения, трудно, часто мы находим в таких определениях тавтологию. Например:

«Под целостностью понимается единство текста, его способность существовать в коммуникации как внутренне и внешне организованное целое» (Анисимова 2003:17).

2. Сравните следующие определения. Укажите, что их сближает и каковы те отличия, которые можно считать выделением особых аспектов явления целостности. (Обратите внимание, что в приводимых ниже определениях наряду с целостностью используется термин «интегративность», имеющий некоторые отличия в своем значении, которые не являются принципиальными для нашего раздела.)

«Интегративность есть ориентация всех элементов текстовых структур на синтез – на воплощение содержательного плана текста, организованного авторской интенцией, его конкретными целями и мотивами» (Сидоров 1987: 67).

«Тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое» (Лотман 2000: 63).

Цельность – структурированная текстовая категория, которая в процессе дискурсивной деятельности приобретает качества упорядоченности и организованности и получает речевое воплощение. Одним из факторов содержательной цельности считается структура затекстовой денотативной ситуации: «Ситуативность, соотносительность с ситуацией – конкретной или абстрактной, реальной или воображаемой, – неперемное условие цельности текста. Ситуативность отличает текст от любой другой значимой единицы языка» (Мурзин, Штерн 1991).

«...искомым “коэффициентом художественной речи” является имеющийся в произведении “бесспорный, конечный смысл”, определяющий “стройность” его осмысления, создающую ощутимость органичности, единства целого» (Ларин 1974: 47).

«Единство произведения не есть замкнутая симметрическая целостность, а развертывающаяся динамическая целостность; между ее элементами нет статического знака равенства и сложения, но всегда есть динамический знак соотносительности и интеграции» (Тынянов 1993: 26).

Еще академик В. В. Виноградов, размышляя о возможности лингвистического изучения текста (1930), говорил о нем как об учении

«о типах словесного оформления замкнутых в себе произведений как особого рода целостных структур» (цит. по: Рождественский 1979: 11).

И. А. Ильин подчеркивал особое значение целостности художественного произведения для установления контакта между автором и читателем, который должен почувствовать, «что он не получает ничего лишнего, что все, идущее к нему от автора, – важно, художественно обоснованно и необходимо; что нужно слушать и слушаться; и что это художественное “повиновение” всегда вознаграждается» (Ильин 1996: 174).

3. Попробуйте дать свое определение целостности текста. Сравните его со следующим, обратив внимание на набор представленных качеств:

Целостность текста – такое его свойство, которое задается целью речевого высказывания / речевой деятельности автора и выражается в законченности содержащейся в нем мысли, которая соотносится с той или иной ситуацией действительности (реальной или ментальной), что находит выражение в соответствующей структуре/организации текста и его речевом выражении.

2.2. Составляющие смысла текста

Текст является сложным образованием, которое передает не только сообщение о действительности, но и информацию, проявляющую позицию субъекта речи. Эти составляющие смысла текста, взаимодействуя, участвуют в формировании его целостности. При этом целостность предполагает несводимость свойств целого к его составляющим, равно как и анализ его составляющих возможен только с точки зрения целого: «...текст генерирует смыслы» (Лотман 1992: 144).

Для иллюстрации того, что целостность смысла текста охватывает его тему (предмет сообщения, соотносимый с реальной или ментальной действительностью), так и выражение отношения к предмету сообщения субъекта или субъектов речи, приведем пример.

Текст 2

Игорь Дедков

НАШЕ ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Когда-то В. И. Вернадский писал о том, «какая важная вещь гигиена мысли». Был он в ту пору молод, и ему казалось, что «кругом стоят густою стеною великие идеалы», что «кругом идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность». Ему очень хотелось, чтобы его мысль не уклонялась, не отвлекалась в сторону дурного, мелкого, это было бы чем-то нездоровым, непозволительным...

«Мысль, – писал он это слово с большой буквы, – в общей жизни человечества – все, самое главное». «Не есть ли вся красота в чувстве движения мысли, веры в истину?»; мысль неизменно воспринималась как великая созидаящая сила, продолжающая строить человека, земной мир, будущее.

Если мы задумаемся о смысловой целостности этого отрывка, легко вычленяемого из текста очерка «Наше живое время»¹, то обнаружим здесь целостное изложение основной темы – гигиены мысли – *(не уклоняться, не отвлекаться в сторону дурного, мелкого, это было бы чем-то нездоровым, непозволительным... вся красота в чувстве движения мысли, веры в истину)*, а также присутствие еще одной темы: ее автора, В. И. Вернадского *(в пору молодости В. И. Вернадский писал, ему казалось (кругом стоят густою стеною великие идеалы), ему очень хотелось)* и, наконец, темы автора очерка, комментирующего возраст ученого *(был он (Вернадский) в ту пору молод, и ему казалось)*.

Таким образом, можно убедиться в том, что понятие целостности текста оказывается многоаспектным, многогранным, в конкретном воплощении требующим работы мысли и чувства. В современной лингвистике выделяются категории диктума – представления содержания сообщения о реальной или ментальной действительности и модуса – открытого (эксплицитного: *я знаю, что...; мне нравится, что...*) или сопровождающего сообщение (имплицитного: *он опять наговорил чепухи*) выражения отношения говорящего к сообщаемому. Как видно из предыдущих примеров, целостность текста формируется по отношению к двум составляющим смысла сообщения – диктуму и модусу.

Существенной частью смысла высказывания, дополняющей его пропозициональное содержание, является интен-циональный комплекс, содержащий в себе информацию обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в его языковой структуре, – интенциональный компонент смысла высказывания (см.: Кобозева 2003: 2).

2.3. Средства формирования целостности текста

Руководствуясь приведенными выше положениями, обратимся к анализу категории целостности в ее речевом воплощении. В имеющихся исследованиях средствами формирования целостности признаются:

- наличие общей темы, которая представлена прежде всего в заголовке текста (при его отсутствии в стихотворном тексте – в первой строке); органически в заголовке может найти отражение или тема текста, или позиция автора в отношении этой темы (напомним, что соответствует диктуму и модусу смысловой организации текста), иногда в заголовке интегрированы обе эти составляющие; общая тема текста проявляется также в присутствии ключевых – повторяющихся, ведущих тему – слов;
- существование содержательной «рамки» текста – тематических переключек начала и конца текста;
- структурное единство организации текста, наличие иерархии коммуникативных программ, что находит выражение в смысловой организации компонентов текста и связях между ними. Указанные средства предназначены прежде всего для собственно содержательной, денотативной/диктумной стороны текста; как правило, она координируется с оценочной позицией, задающей модальную целостность. Приемы развертывания текста, ранжирование коммуникативных программ определяются говорящим лицом, они характеризуются как регулятивная модальность, определяющая коммуникативную целостность, – все эти компоненты слагаемого смысла находят воплощение в структурной организации текста, его линейном развертывании.

¹ «Живое время – это, должно быть, не только то, как мы живем, работаем, растим детей, но и то, что помним, о чем думаем, чего хотим, что видим и что понимаем» (Дедков 1985: 218, 225).

Существенным фактором является и стилистическая целостность текста, она задается адресантом, владеющим нормами построения высказывания в определенной сфере общения и обладающим креативными способностями.

2.4. Заголовок в организации смысловой целостности текста

Обратимся к рассмотрению **заголовка**, который, как уже указывалось выше, является необходимым компонентом, без которого нельзя «построить модель текста». Приведем еще ряд определений, которые даны исследователем художественного текста:

- «...заглавие – минимальная формальная конструкция, представляющая и замыкающая художественное произведение как целое» (Фатеева 2010: 27);

- «Заглавие создается и осмысливается в контексте диалога с текстом, и из этого контекста его нельзя изъять <...> Заглавие – органичная часть единого диалогизирующего высказывания» (там же: 49);

- «...заглавие можно определить как номинативно-предикативную единицу текста, которая находится в специально закрепленной позиции над и перед текстом и служит одновременно именем текста и индивидуально-авторским высказыванием о нем» (там же: 57);

- о заглавии можно говорить как о «полнозначной единице целого текста. Именно в таком статусе заглавие рассматривается в семиотических исследованиях в рамках общей проблемы “текст в тексте” (там же: 71).

4. Обобщите содержание этих высказываний и постарайтесь дать свое определение, которое позволит провести анализ заголовков следующих текстов.

Рассмотрим заголовки следующих текстов в отношении к содержанию текстов и участию в формировании их смысловой целостности (тексты 3–6).

Газетная информация

Газетный текст в жанре информации должен легко восприниматься читателем. Заголовок вводит в его содержание, следующий за заголовком лид конкретизирует заголовок, предвывая целостное изложение события. Так осуществляется последовательное ознакомление читателя с содержанием текста. Проследим, как происходит развитие изложения содержания при формировании его смысловой целостности в следующей информации.

Текст 3

Анастасия Шоломицкая Память

УЛИЦА ЛЕТЧИКА

Безымянный проезд в столице Поморья назвали в честь Героя России, летчика Андрея Анощенкова

Инициативу учителей школы № 55 поддержали и жители Маймаксанского округа, и окружная администрация.

– Андрей еще мальчишкой увлекался авиамоделированием и фотографировал только вертолеты, – рассказывает руководитель школьного музея Светлана Розина. – С детства хотел стать летчиком. После школы поступил в Саратовское высшее авиационное училище.

Майор Анощенков в 1999 году был штурманом авиационного звена, старшим летчиком вертолета авиаэскадрильи внутренних войск в Дагестане. Экипаж Ми-8 провел в воздухе десятки часов, доставляя в пункты временной дислокации солдат и офицеров

продукты питания. После начала боевых действий в Дагестане вертолетчики вывозили раненых и погибших.

В аэропорт Ботлих экипаж, который сослуживцы считали счастливым, должен был доставить армейское начальство. Вертолетная площадка в горах просматривалась и обстреливалась боевиками. Ми-8 был подбит. Летчики сумели посадить горящую машину и вынести пассажиров, получивших осколочные ранения. Но сами спастись не смогли: вертолет взорвался.

Все члены экипажа, в том числе и Андрей, получили тяжелые ранения и ожоги. Летчиков поместили в ожоговый центр в Махачкале. Однако необходимую квалифицированную помощь они могли получить только в Москве, куда Андрея отправили на военном самолете. 15 августа по пути в столицу он умер.

Спустя две недели президент подписал указ о присвоении Анощенкову посмертно звания Героя России. Приказом министра внутренних дел он навсегда зачислен в списки личного состава эскадрильи войсковой части 3686 в Ростове-на-Дону. В этом городе у Андрея осталась семья, а в Архангельске – мама, друзья, одноклассники, учителя.

Заголовок «Улица летчика» имеет значение – улица, названная именем летчика, что, как знает читатель, происходит в случае совершения человеком героических поступков и имеет целью сохранить о нем память. Подтверждением служит подзаголовок – «Память».

Лид носит уточнение: летчиком является Герой России Андрей Анощенков. Фиксируется место события: столица Поморья – Архангельск. Однако отсутствует указание на тех, кто принял решение о названии (*проезд назвали*). Текст и начинается с сообщения об авторах сделанного предложения: учителя школы, жители округа и администрация. Содержание этого сообщения носит предвосхищающий характер, программируя последующее деление информации на официальную и неофициальную части, которые развиваются параллельно, создавая, с одной стороны, образ мальчишки, увлекавшегося авиамоделированием, офицера, умершего от полученных ран и ожогов, с другой – военного летчика, штурмана авиационного звена, сумевшего вынести из горящего самолета раненых пассажиров. В первой линии повествования его называют Андрей, во втором – майор Анощенко. Обе эти линии сходятся в заключительном абзаце, сохраняя единство образа и имплицитную мысль о ценности человека и памяти о нем, которую сохраняют в равной мере и близкие, и страна.

5. Проведите наблюдение над тем, какие языковые средства используются для обозначения каждой из смысловых линий текста, обратите внимание на употребление активных и пассивных конструкций, сделайте вывод о том, в каких отношениях состоит содержание заголовка до и после прочтения текста.

Отметим, что грамматическая форма газетно-информационного заголовка, как правило, коррелирует со структурой текста: его описательным (заголовок – номинативная конструкция) или повествовательным (заголовок – предложение с глагольным предикатом) характером. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что целостность текста как смысловая категория, не являясь грамматикализованной, то есть обладающей специальными, закрепленными за ней средствами языкового выражения, обнаруживает тенденции в использовании лексико-грамматических средств своего обеспечения, в частности отбора лексики и синтаксических моделей заголовка как значимого средства выражения.

«Лингвистические условия свехфразового уровня <...> могут рассматриваться в плане их функционирования, но с тем необходимым дополнением, что это функционирование не является всецело лингвистическим в современном смысле этого слова и что определять его можно лишь в соотнесении с механизмом, который мы называем “условием порождения дискурса”» (Пеше 2002: 41).

Журнальный очерк

Этот газетный жанр характеризуется сложной смысловой организацией своих текстов, которая определяется его художественно-аналитической природой, то есть анализом событий, характеров персонажей, которые представляются в образной, изобразительно-выразительной форме. Проведем наблюдение за характером заголовка и его смысловой связью с содержанием очерка.

Текст 4

Валентин Непомнящий

НОМО LIBER (Юрий Домбровский)²

Появление в 1964 году в «Новом мире» «Хранителя древностей» было событием большим...

Сам автор был фигура, никому практически из читателей не известная, а из писателей – властителей литературных дум и завсегдатаев Дома литераторов мало кому лично знакомая. Ясно всем было только одно: это человек из той жизни – той, которая тогда еще привычно маркировалась цифрой 1937.

Под этим знаком проходило триумфальное обсуждение «Хранителя» в гостиной ЦДЛ. Автора в лицо никто не знал; однако среди присутствующих был пожилой импозантный человек с солидным портфелем, и как-то так сошлось, что именно ему выступавшие адресовали свои восторги. Народу набилось очень много, в дверь протискивались все новые люди, один был даже с кошелкой, в которой были книжки и бутылка кефира. Должно быть, как раз этот кефир особенно возмутил сидевшего рядом, он стал громким шепотом убеждать постороннего выйти: «Поймите, тут вам нечего делать, тут ра-бо-та-ют, обсуждают роман». «А мне интересно, как его обсуждают», – не сдавался тот. «С какой это стати вам может быть интересно?» «Как с какой? – весело удивился владелец кефира. – Роман-то я написал».

² Юрий Домбровский (1909–1978) – поэт, писатель, литературный критик, автор широко известных книг «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.